

УДК: 330.101

JEL: O35

Валерия Корнивская

ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВАЯ ЭКОНОМИКА: ОТ ИНСТИТУТОВ ДО ПАТТЕРНОВ

Продemonстрированы актуальные трансформации ценностной составляющей в системе экономического и социального взаимодействия, которые возникают и развиваются как результат внедрения информационно-сетевых принципов экономической деятельности. Обосновано понятие паттерна как модели поведения в условиях профицита информации, постепенно заменяющей институт как базовый структурирующий элемент экономических систем. Показано, что глубинным условием преходжения институтов является переплетение западной краткосрочной временной парадигмы и активного инновационного развития, присущего новой экономике с её особым сетевым характером. Показано продуцирование новой информации как базовый паттерн нового общества. Определена инновационность как глубинное качество информационно-сетевой экономики и доказано, что перманентность изменений, присущая новой экономике, приводит к институциональной бифуркации. Обоснована фундаментальная конфликтность информационно-сетевой экономики и показано противоречие потери социального содержания экономических процессов, которое развивается в условиях преходжения капитализма и кризиса национального государства. На примере секьюритизации проиллюстрированы эффекты внедрения сетевых форм в капиталистические институциональные системы. Продemonстрированы примеры конфликтного взаимодействия преимущественно иерархических и доминантно сетевых систем. Охарактеризованы циклы глобальной ликвидности в контексте её сетевого характера и показано её противоречивое влияние на государства как олицетворение иерархии. Обосновано, что глубинной причиной ограниченной эффективности монетарной функции государства является конфликт иерархического трансмиссионного механизма и преимущественно сетевой системы взаимодействия в финансовом пространстве.

Ключевые слова: информационно-сетевая экономика, паттерн, инновации, институт.

Современные процессы реформирования капитализма в условиях глобализации в совокупности с инновационными и коммуникационными возможностями информационно-сетевой экономики создали особые условия деятельности для субъектов хозяйствования, воздействуя не только на институциональное наполнение экономических систем, но и на самих субъектов.

Глобальный капитализм, который, развиваясь, поглощает всё больше и больше географических территорий мирового хозяйства, на поверхности экономических явлений представлен деятельностью транснациональных корпораций, осваивающих экономическое пространство для обеспечения опти-

Корнивская Валерия Олеговна (vkornivska@ukr.net), канд. экон. наук; докторант ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

мального (во временном и экономическом контексте) перемещения ресурсов и товаров.

ТНК функционируют вне суверенных институциональных систем, при этом используя ресурсы конкретного национального происхождения и развивая коммуникационные системы общего глобального характера. Процесс расширения деятельности ТНК, который реализуется путём открытия всё большего количества филиалов и дочерних компаний по всему миру, означает рост наднационального пространства экономической деятельности, которое может эффективно развиваться только в условиях максимально оперативного администрирования. В глобальной экономике оно достигается благодаря постоянно обновляемым информационным технологиям, которые дают всё больше преимуществ мировым ТНК. Максимальная скорость, практически мгновенность в разработке и передаче управленческих решений – залог успеха в современных системах глобальных взаимосвязей.

Сеть, объединяющая транснациональную корпорацию, представлена филиалами, которые расположены в разных национальных экономических пространствах, но они имеют единые принципы деятельности, единые корпоративные подходы. Такие филиалы не могут полностью учитывать институциональные особенности принимающих стран, поскольку тогда не произойдёт единства под эгидой головной компании. Следовательно, деятельность ТНК предполагает определённое институциональное игнорирование. В таких наднациональных и надинституциональных условиях деятельности глобальных корпораций формируются модели поведения, но нивелируются национальные, этнические, культурные ценности. Глобальная корпорация не может принимать их во внимание, так как это основы долгосрочных устойчивых систем взаимосвязи; для глобальной корпорации единственным способом выживания является максимальная мобильность и быстрое реагирование на изменения внешней среды. Поэтому институциональное нивелирование постепенно переходит в ценностное нивелирование.

Подчинение в системе глобальной корпорации развивается не в связи с институционально-ценностным наполнением деятельности, а благодаря чётким функциональным обязанностям, прописанным в соответствующих инструкциях, которые формируют определённые модели поведения: модель поведения высшего управленческого состава, модель поведения менеджера среднего звена и т.п.

Отвечая на вопрос об исторических источниках таких процессов, следует обратиться к эволюции первых сетей. Ретроспектива показывает, что первые сети связаны с международной торговой деятельностью и финансовым посредничеством, которое её обеспечивало.

Ф. Бродель, характеризуя формирование в Европе крупных купеческих семей, настаивает на том, что все примеры успешных международных торговых потоков и сетей были основаны чужеродным меньшинством, изгнанниками: то ли по своей национальности, то по своей вере. Любое меньшинство имеет склонность к объединению, к взаимной помощи и защите своей инди-

видуальности и определённой враждебности к внешней среде, в которой правила внутреннего сетевого взаимодействия уже не работают (Бродель, 1988).

Именно поэтому торговцы, посредники, финансовые посредники всегда в обществе существовали выделено, принимая формальные институты, но активно защищая собственные неформальные. Сеть всегда создаёт собственные способы взаимодействия, иногда вопреки доминирующим формальным правилам, отсюда и её инновационная способность. (На этот момент следует обратить особое внимание, так как он проливает свет на историчность особой инновационной способности финансовых операторов. В предкризисный этап финансовые рынки с их разветвлённой глобальной сетью взаимодействия в условиях ослабления иерархического регуляторного влияния начали активно внедрять инновации, поскольку они исторически склонны к ним.) Что же касается сетевых моделей поведения с установленными правилами взаимодействия относительно внешнего пространства, в котором посредники действовали и получали прибыль, то самым ярким историческим примером может быть поведение еврейских ростовщиков, религия которых не позволяла давать "деньги в рост", но этот принцип они применяли для внутреннего пользования, представителей же других религий они активно кредитовали. Ценности "отключались" ровно в тот момент, когда мотивации прибыли становились доминирующими.

Для общественного пространства сегодня характерно господство моделей: профессиональных, ситуативно-конъюнктурных, моделей поведения "напоказ", поведения без правил, которое мотивируется не ценностными принципами, а конкретными задачами определённой коммуникации. Человек может использовать различные модели в связи с теми мотивами, которые он делает краеугольными для достижения целей коммуникации в условиях, предоставляемых ему сетью. Поэтому, как отмечает А. Гриценко, в условиях отключения ценностных основ один и тот же человек может быть совершенно разным в разных жизненных ситуациях: он может представлять себя достойным членом общества, но при этом допускать и асоциальное, криминальное поведение (Гриценко, 2013).

В результате господства социальных сетей набирает обороты проблема преодоления институциональных ограничений (государственных, семейных, общегуманистических). Сеть противостоит институтам современного общества, она их постепенно нивелирует, а затем совсем исключает из системы взаимосвязей. В сети ценности заменены виртуальными оценками на основе "лайков", при этом одобрение может получить любое асоциальное действие, если оно выходит за пределы общепринятого, устоявшегося.

Проблема нивелирования ценностей сегодня углубляется даже не столько в связи с глобальностью экономической деятельности из-за господства ТНК и их моделей, сколько из-за максимально открытого информационного пространства и скорости систем передачи информации: обращать внимание на ценности просто "некогда". Ценности предусматривают ответственность, для современного же информационного пространства более важна не ответственность, а репутация.

В условиях его открытости высокооплачиваемые врачи западных стран сами решают, участвовать или не участвовать в лечении определённого па-

циента. Такое решение формируется не на основе клятвы Гиппократ и профессиональных ценностей, а на основе возможных перспектив выздоровления пациента, что поддержит или разрушит репутацию врача. Современные врачи (как и многие представители других видов деятельности) руководствуются не этическим профессионализмом, а существованием регламентов, определяющих чёткий состав и последовательность действий при определённой ситуации.

Граничным примером минимизации влияния ценностей и институциональных установок деятельности в глобальном экономическом пространстве являются инновационные разработки. Обычная процедура выполнения заказов оборонной или фармацевтической промышленности в США предусматривает, что задачи распределяются между несколькими лабораториями, выполняющими только часть совокупного задания. При этом конечный результат, главная цель проекта может быть очень далека от гуманистических и общечеловеческих контекстов. Впрочем, чёткое функциональное закрепление направлений деятельности за определённой исследовательской организацией ограничивает её участников в принятии решений ценностного характера. Информационные риски, связанные с мгновенностью передачи сообщений, сегодня настолько велики, что действие на основе регламента является единственным способом защиты определённого профессионала.

Функционирование глобальных сетей развивается вне ценностей, оно не нуждается в неформальных институтах, выходит за ограничительные рамки формальных институтов, и главное – осуществляется благодаря заданным моделям, присущим каждой конкретной сети, – паттернам.

Что такое паттерн: мы вводим это понятие для характеристики заданных моделей поведения в условиях избытка информации, который присущ глобальной информационной среде. Для того чтобы объяснить, как работает паттерн, приведём пример работы вестибулярного аппарата человека. В балете есть такое понятие "фуэте" – виртуозные быстрые вращения на 360 градусов в классическом танце. Когда танцор вращается, то в поле его зрения попадает большое количество информации для анализа в его вестибулярном аппарате, с которой очень трудно справляться, поэтому, по всей вероятности, танцор должен терять равновесие. Для того чтобы этого не случилось, в балете есть приём: танцор выбирает точку перед собой, и задача состоит в том, чтобы его глаза всегда после вращения смотрели в одну и ту же точку, иначе говоря, чтобы направление его зрения всегда отвечало одной и той же траектории. Так же и паттерн: для того чтобы держать равновесие в среде, где царит изменяющаяся информация, необходимо выбрать заданную модель поведения и чётко ей следовать. Поэтому и существуют регламенты врачей, банковских сотрудников – они чётко показывают, как реагировать на растущие потоки информации.

Процессы внедрения принципов информационно-сетевой экономики с её базовой характеристикой – инновационностью – привели не только к трансформациям глубинных институциональных основ капиталистической экономики, они поставили вопрос о структурирующей функции институтов как таковых.

Инновация всегда связана с преодолением институциональных ограничений, она их или нивелирует, или разрушает и создаёт новые институты. Постоянное инновационное генерирование требует постоянных институцио-

нальных трансформаций; но это невозможно, институты не успевают за перманентностью изменений и переходят в состояние бифуркации. Институциональные системы национальных хозяйств не смогли приспособиться к тому объёму финансовых инноваций, которые им навязало глобальное финансовое пространство, – грянул кризис.

В этом контексте следует принимать во внимание, что инновация (вне зависимости от её качества и источника) становится титулом современной эпохи, субъекты пытаются постоянно продуцировать новую информацию (наиболее простым примером является поддержка своей страницы в социальных сетях), желание предоставить общественному пространству новую информацию становится подобным массовому психозу; при этом несвоевременное получение новой информации может привести к экономическому и социальному краху. *В желании выработки новой информации уже нет ценностного контекста, это заданная модель поведения, это главный, базовый паттерн информационно-сетевого общества.*

В условиях постоянного генерирования информации, инновационного развития институты капитализма начали трансформироваться, и это не институциональное обновление, а чаще – институциональное прехождение. Банковская тайна, династическая бизнес-традиция, семейная собственность – это примеры институтов, которые, составляя основу профессиональной этики капитализма, или постепенно покидают экономическую авансцену, или находятся под существенным давлением новых механизмов взаимодействия информационного общества. Институты – это конструкции долговременного действия, современные же тенденции экономического развития свидетельствуют об укоренении краткосрочности.

Базовыми условиями прехождения институтов стало взаимное переплетение западной краткосрочной временной парадигмы и активного инновационного развития, присущего новой экономике с её особым сетевым характером.

Краткосрочная временная парадигма стала тем глубинным императивом, который создал социокультурное основание современного кризиса. Оно проявилось как преобладание краткосрочных мотиваций в деятельности субъектов финансовых рынков и реального сектора экономики. Такие явления, как рост долгов домохозяйств, рисковое кредитование малоимущих семей, секьюритизация – это не что иное, как результат доминанты краткосрочных эффектов в операционной активности.

Проблема времени в системе культурного восприятия впервые была обозначена социологами в середине XX века, когда вышла работа антрополога и социолога Эдварда Холла "Молчаливый язык" (1959)¹. Он доказывал, что нормы осознания времени – это одна из базовых составляющих культуры, которая играет глубинную роль в коммуникации. Позже (1972) в прикладном контексте этот постулат был доказан путём опроса представителей Корпуса мира; они свидетельствовали, что среди важнейших и самых сложных моментов их присутствия

¹ Edward T. Hall. The Silent Language. URL: http://globalsociology.ucoz.ru/_ld/0/3_SilentLanguage0.pdf.

в другой стране была адаптация к местным особенностям восприятия времени, в том числе к пунктуальности².

Восприятие времени – это неформальные модели, они присутствуют незримо в каждой культурной общности и вызывают её экономическую и социальную активность. На поверхности экономического взаимодействия такие модели наглядно проявляются в том, что представители Западной Европы и США склонны планировать своё время, для них главным является девиз "время – деньги". Тогда как для жителей стран Южной Европы, Латинской Америки, Арабского Востока дела представляют собой совокупность возможностей и для их достижения не используется чёткое линейное временное планирование. Представители разных культур, таким образом, по-разному представляют задачи и результаты экономической и общественной деятельности, определяют своё место в прошлом, настоящем и будущем, ориентируются на долгосрочные или краткосрочные временные горизонты.

Исследователь социального времени Р.Лауер (*Lauer R.*) доказывал, что исторически наиболее фундаментальным отличием в хронометраже было различие между людьми, *которые считают время по часам, и теми, кто измеряет время социальными событиями*. Это глубокое различие в понимании времени продолжает разделять культуры и сегодня: время, измеряемое часами, регулирует начало и окончание деятельности; время, которое определяется событиями, обусловлено потоком активности, а не результатом, в нём события начинаются и заканчиваются по взаимному консенсусу, когда участники "чувствуют", что пришло время³.

Современная господствующая парадигма краткосрочных эффектов исторически, культурно, институционально присуща западной традиции организации социально-экономических процессов. Чёткое определение календарного времени, множество задач, которые должны выполняться в чёткие сроки, девиз "время – деньги" исчерпывающе описывают западную парадигму экономического развития. В условиях становления информационно-сетевой экономики среда экономической и социальной активности стала постоянно изменяться из-за роста информационных потоков. Дамокловым мечом любой деятельности стала проблема быстротечности времени, его нехватки для оперативного реагирования на частые, а иногда перманентные изменения окружающей среды.

Новая эпоха, которая сегодня активно развивается, – это эпоха перманентной выработки новой информации, которая быстро меняет состояние и сущностные характеристики любых явлений и феноменов. Например, Европейский Союз формировался более полувека, Великобритания (с 1973 года) как его существенная составляющая более сорока лет участвовала в политическом и экономическом расширении ЕС, закреплении европейского интеграционного объединения в глобальной системе координат. В то же время на информационную организацию и фактическую реализацию BREXIT достаточно было одного года. Он наглядно показал те нерешённые противоречия, которые сегодня разрывают европейское интеграционное пространство внутри, он стал невиданным практически более полувека прецедентом победы национального

² Robert V. Levine. California State University, Fresno. Time and Culture. URL: <http://nobaproject.com/modules/time-and-culture>.

³ Ibid.

целеполагания перед лицом коллективного бытия. Но главное – он был совершенно непрогнозируемым моментом, быстро задуманным и реализованным.

Пример из сферы собственности. Актуальные процессы движения собственности в глобальной экономике свидетельствуют об усилении процессов монополизации, кроме того, в условиях развития новых технологий на финансовых рынках собственность может переходить из рук в руки практически мгновенно, коренным образом меняя расстановку глобальных экономических и политических сил. Собственность становится сетевой как часть сетевого пространства операционной активности. Глобальная картина собственности мобильно меняется, способствуя росту неопределённости и рисков.

Ещё один пример – глобальная ликвидность. Её появление на финансовых рынках национальных экономических пространств в периоды бумов и практически мгновенное испарение в периоды спадов является примером предельно мобильной циркуляции ликвидности, коренным образом меняющей состояние рынков, платёжных балансов, развивая и разрушая целые государства.

Итак, ещё раз подчеркнём, что признаком современной эпохи является максимальная мобильность операций, коммуникаций, отношений, изменений на уровне всей глобальной экономики.

Обращаясь к проблемам глобализации, следует отметить, что фаза её наиболее активного развития связывается с доминированием международных финансовых рынков и операций. Финансовые рынки стимулировали глобализацию (Батлер, Джонсон и др., 2003), они как бы подтолкнули, ускорили глобализацию, поскольку в наиболее полной мере реализовали краткосрочную временную парадигму: именно в финансовой сфере, где мобильность ликвидности и информации, реализованная в системе высокотехнологичных рынков, достигла абсолютного максимума, краткосрочные стремления экономических агентов могли реализоваться с лучшим эффектом и с наименьшими рисками.

На финансовых рынках глобализация реализовалась в наиболее полной мере, став в свою очередь причиной глубинных трансформаций в системе финансовых институтов.

Именно в условиях глобализации сетевые формы финансовой деятельности становятся доминирующими и постепенно меняют характер финансовых институтов рыночной экономики. На финансовых рынках капиталистической экономики всегда присутствовали как иерархические, так и сетевые формы: банковский сектор был всегда более иерархизированным, а фондовое пространство – сетевым. В то же время, когда на финансовой арене стали появляться новые финансовые операции, которые по характеру были более сетевыми, то баланс, который до того существовал, начал смещаться в сторону сетевых отношений, создавая основы долгосрочных диспропорций. Эти диспропорции имели не только чисто экономические характеристики, они подтачивали социальное влияние финансовых институтов.

Например, ипотека всегда была важным финансовым механизмом обеспечения среднего класса достойным жильем, эта финансовая операция имела важный социальный контекст. В то же время в процессе неограниченного роста ипотечных долгов, что стало возможным благодаря секьюритизации как сетевой формы, базовый социальный смысл ипотеки – *поддержка социальной стабильности и мобильности* – был утрачен. Речь идёт о том, что массовая реализация ипотеки в среде малоимущих семей (которая стала возможной именно благодаря секьюритизации) не только спровоцировала

кризис, банкротства и социальную дестабилизацию в краткосрочном периоде, но и заблокировала социальную мобильность последующих поколений.

Это краеугольный момент, свидетельствующий о трансформации глубинных финансовых институтов в условиях прехождения капитализма. Как показывают А. Садовая и В. Сауткина (2015), "... индустриальная эпоха – это время расцвета социального государства в наиболее развитых странах мира. Это был именно тот период, когда задачи экономического роста совпали с задачами социального развития и эффективная социальная политика во многом этот рост и обеспечивала". Финансовые институты как часть экономики капитализма также имели важные социальные нагрузки – реализовывали функцию социальной устойчивости и социальной мобильности. Любая финансовая операция прямо или косвенно имела социальную окраску; даже крупные капиталы спекулятивного характера, принявшие участие в развитии капитализма, опосредованно через экономический рост определённым образом получили и социальный контекст. Комплементарность финансового сектора и реального наиболее полно раскрылась именно в период расцвета капитализма, когда финансовые рынки способствовали экономическому росту и социальному развитию.

Информационно-сетевая экономика постепенно нивелирует социальные контексты экономических процессов. "Буквально на наших глазах разрушается относительно устойчивое социальное пространство, получившее название "социальное государство" ... "экономические, а вслед за ними и социальные основы единства нации, современного государства исчезают вместе со средним классом, порождённым индустриальной эпохой, угрожая и политическому единству" (Садовая, Сауткина, 2015).

Фундаментальная проблема информационно-сетевой экономики заключается в потере социального содержания экономических процессов, общество паттернов – постинституциональное общество – находится вне социальных феноменов; а кризис социального государства – это момент прехождения иерархического капитализма, который вышел на глобальный уровень и входит в основу нового информационно- сетевого общества.

Сетевая парадигма коренным образом будет менять базовые принципы экономического взаимодействия на всех уровнях, подтачивая и вступая в противоречия с феноменами иерархии.

Развивается фундаментальный конфликт между иерархически построенными национальными государствами и глобализированными преимущественно информационно-сетевыми транснациональными корпорациями. Он проявляется и в политическом, и в экономическом, и в финансовом контекстах, с явным преимуществом глобальных операторов. Они и в дальнейшем, все больше внедряясь в экономические и институциональные системы национальных хозяйств, будут пытаться подчинить их информационно-сетевым принципам экономической деятельности и деформировать институты как основу иерархии и слишком громоздкое препятствие для реализации преимущественно краткосрочных мотиваций.

Национальные государства в свою очередь должны защищать собственные институты и этническую идентичность. Стремление к преимуществу национальных интересов долгосрочного характера будут наталкиваться на противодействие глобальных операторов, на их глобальное монополистическое влияние. Национальные экономические пространства сегодня пронизаны

ны филиалами ТНК, особенно финансовыми операторами, которые подчиняются главным конторам, функционируют по их установленным принципам, при этом часто деформируя институциональную среду принимающих государств, которые постепенно теряют возможность эффективного регулирования национального хозяйства.

Следует принимать во внимание также сетевую глобальную ликвидность, которая питает и развивает наднациональное экономическое пространство, имея непосредственное влияние на национальные экономические пространства. Она является относительно самостоятельной единицей мировых экономических процессов и влияет на функционирование всех составляющих национальных экономик: финансовые рынки, бюджет, денежно-кредитную систему, финансово-банковское развитие, функционирование реальной экономики. При этом регуляторы обладают слишком ограниченным потенциалом инструментов защиты от её воздействия⁴, что свидетельствует не столько о неэффективности государственного регулирующего воздействия, сколько о различных условиях функционирования национальных и наднациональных пространств операционной активности.

В циклах глобальной ликвидности прослеживается важный момент, показывающий её сетевой характер и конфликтность в отношении государств как олицетворения иерархии.

С одной стороны, как классический инвестиционный актив глобальная ликвидность направляется на развивающиеся рынки во время бумов и в "безрисковые гавани" во время спадов. Активами с наименьшим рисковым наполнением являются государственные ценные бумаги, поэтому во время спадов возрастает спрос на ценные бумаги государственного долга. Повышенный спрос разбалансирует рынки долговых финансовых инструментов и создаёт ложные стимулы для государств, которые охотно берут в долг на международных финансовых рынках, что даёт основания для долгосрочных бюджетных дисбалансов, снижает институциональную эффективность государства, которое становится зависимым от международных инвесторов. Формально это классическая ситуация с точки зрения международного инвестирования, которая известна с момента первых международных торговых операций, – если бы не объёмы, скорость и перманентность перемещения глобальной ликвидности, которые практически не позволяют приспособиться к внезапному оттоку. Для государств это означает неуправляемость монетарного пространства, хронические бюджетные дефициты и много сопутствующих социоинституциональных дисбалансов. Сетевая глобальная ликвидность существенно подтачивает государственную институциональную иерархию.

В этих условиях монетарная регуляторная функция государства имеет ограниченную эффективность, что проявилось в том числе и в реакции экономики на низкие процентные ставки, – она была практически нулевой. Одной из причин этих тенденций является несоответствие иерархического трансмиссионного механизма и преимущественно сетевой системы взаимодействия в финансовом пространстве.

⁴ Benoît Cœuré. Member of the Executive Board of the ECB. Global liquidity and risk appetite: a re-interpretation of the recent crises. Speech at the BIS- ECB Workshop on Global liquidity and its international repercussions, Frankfurt am Main, 6 February 2012. URL: <http://www.ecb.int/press/key/date/2012/html/sp120206.en.html>

Иерархичность трансмиссионного механизма монетарной политики заключается не только в том, что он является частью государственного регулирования, а в самой его сущности, в последовательности шагов реализации: в классическом варианте центральный банк взаимодействует с коммерческими банками, те в свою очередь должны осуществлять кредитование экономики, и, оперируя в других частях финансового пространства, – скажем, долговыми ценными бумагами, – корректируют цены на финансовые активы, путём формирования спроса и предложения на них. Следовательно, процентная политика центральных банков должна прямо влиять на наполнение реальной экономики ликвидностью и опосредованно – на состояние финансовых рынков.

В условиях, когда финансовые институты являются одновременными участниками и национального, и глобального пространства операционной активности, развивается противоречие монетарной политики центрального банка, которое проявляется в несоответствии между границами формального регуляторного влияния центробанка и границами операционной активности финансовых институтов. Например, европейские банковские структуры, являясь частью еврозоны, подчиняясь её правилам и целям, как преимущественно универсальные банки одновременно являются участниками глобального финансового пространства и осуществляют активные операции с ценными бумагами, реализуют секьюритизационные операции, предоставляют трансграничные межбанковские кредиты. В этой части они прямо зависят от циклов глобальной ликвидности, эта зависимость стала доминирующей относительно элементов государственного регулирования в условиях либерализации. Ведь из-за большой доходности операций, которая является частью глобального финансового рынка, их объёмы растут.

Таким образом цепочка трансмиссионного механизма в его банковской части разделилась на преимущественно иерархическую составляющую (кредитование) и сетевую составляющую (операции банков с ценными бумагами и секьюритизация) с доминированием последней.

В этих условиях центральные банки должны оперативно реагировать на нивелирование сигналов монетарной политики практически нерегулируемым пространством глобального финансового рынка, возникающим из-за универсальности банковских структур, которые наряду с организацией кредитного процесса оперируют в других сегментах финансовых рынков.

Процессы либерализации создали глобальное финансовое пространство, тенденции снижения процентных ставок, которые продолжались довольно долгое время – с 80-х годов, наполнили его дешёвой *официальной ликвидностью*. На её основе финансовые операторы создавали *частную ликвидность*⁵, базовые параметры эмиссии которой зависели от профессиональных качеств самих финансовых посредников, которые направляли свою деятельность на предоставление финансовым инструментам максимальной ликвидности. Тренды движения цен на финансовых рынках стали зависеть только от объёмов ликвидности, которая была в руках финансовых посредников. Ликвид-

⁵ Определение официальной и частной ликвидности представлено согласно методологии Банка международных расчётов.

ности было не просто достаточно, был её явный значительный профицит, чему способствовало и контркризисное рефинансирование со стороны центральных банков. Регуляторное влияние в этом контексте уже не имело значения для финансового оператора (банка), ведь всё, что ему было нужно для организации деятельности в глобальном финансовом пространстве, у него было (имеется в виду ликвидность).

Что касается кредитования реального сектора (иерархической составляющей трансмиссионного механизма), то влияние монетарной политики и на эти процессы также значительно деформировалось. В докризисный период, развивая преимущественно сетевой инструмент секьюритизации, банки имели возможность собственными силами, без применения средств центробанков неограниченно увеличивать кредитование, что уменьшало монетарное влияние регулятора. Во время кризиса нестабильность и риски реального сектора росли, при этом увеличивались объёмы ликвидности в финансовом пространстве, ещё больше стимулируя финансовые рынки и усиливая депрессию реального сектора. Процентная политика ЕЦБ, направленная на посткризисный запуск кредитования, не смогла значительно изменить ситуацию.

В условиях либерализации и профицита ликвидности, которые стали факторами формирования преимущественно сетевого глобального финансового пространства, механизмы иерархически построенного монетарного регулирования в части процентной политики не соответствуют актуальным тенденциям развития банковских структур, которые, будучи своей определённой частью составляющими глобального финансового пространства, реагируют в большей степени на его сигналы, главными из которых являются объёмы ликвидности. При этом та часть трансмиссионного механизма, которая должна влиять на кредитование реального сектора, также претерпевает значительные деформации при внедрении сетевых механизмов секьюритизации в обычную банковскую деятельность.

Тенденция уменьшения влияния регуляторов на национальные финансовые пространства историческая и очевидная. С наибольшей остротой она проявит себя в условиях трансформационного перехода к цифровому банкингу и новым монетарным системам, которые будут развиваться в связи с внедрением информационно-сетевой экономики.

Противоречия между иерархическими и сетевыми принципами экономической деятельности могут проявляться также и в институционально-трансформационном контексте. Сегодня мы находимся на этапе растущей монополизации мирового экономического пространства, в свою очередь инновационные технологии на финансовых рынках делают собственность всё больше сетевой. Противоречия одновременного развития этих процессов проявляются в формировании новых механизмов организации экономической деятельности в глобальном экономическом пространстве, которые значительно повышают его риски.

Усиление процессов монополизации глобальной экономики сегодня в большей степени связано с неопределёнными перспективами роста, что за-

ставляет глобальных игроков расширять регионы влияния и скупать предприятия-конкуренты. Эта тенденция выражается в буме сделок M&A (слияния и поглощения), который продолжался два года подряд в 2015–2016 гг. *Важным фактором роста объемов операций поглощения является профицит ликвидности и низкие процентные ставки*⁶. Такой рост операций свидетельствует о глубинных изменениях факторов, создающих инвестиционные мотивации, – на смену стандартной бизнес-логики, построенной на принятии финансовых решений в условиях доверия к корпоративному и политическому климату, приходит транскризисная бизнес-логика: она рассматривает рост неопределённости как стимул глобальных инвестиций и монополизации.

Области, где в 2015–2016 гг. проводились крупнейшие по объемам операции, – фармацевтическая сфера, пищевая промышленность, телекоммуникации, технологии, энергетика. Американский фармацевтический гигант Pfizer провёл операцию поглощения с ирландским Allergan на 191 млрд долл.⁷, немецкий фармакологический и химический конгломерат Bayer приобрёл американского конкурента Monsanto 639 млрд долл.⁸. В 2015 году группа Heinz объединилась с Kraft Foods, сумма сделки 55 млрд долл. Вновь созданная Kraft Heinz Company стала третьей по величине компанией-производителем продуктов питания в США и пятой в мире по годовому объёму продаж. В ноябре 2015 года бельгийская пивоваренная компания Anheuser-Busch InBev достигла договорённости о покупке конкурента SAB Miller (Великобритания); объединение двух крупнейших пивоваров сформируют компанию, которая будет производить почти треть пива в мире, сумма сделки 120 млрд долл.⁹.

Dow Chemical и DuPont – пример слияния предприятия науки и сельского хозяйства, сумма сделки: 68 млрд долл. США, объединённая компания имеет капитализацию 130 млрд долл. и экономию расходов 3 млрд долл. Однако в течение двух лет после слияния новоиспечённая Dow DuPont намерена разделиться на три компании, ориентированные на сельское хозяйство, науку и технику соответственно.

⁶ 2016 показал, что дефицит инвестиций в Европе постепенно компенсируется азиатскими финансовыми вливаниями (Chem China, HNA Group of China, Asahi of Japan), сама же Европа связывает инвестиционный процесс с Соединёнными Штатами, где неопределённость постепенно уменьшается (немецкий конгломерат Bayer приобрёл американского конкурента Monsanto, французский производитель йогурта Danone провёл операцию поглощения White Wave Foods). В перспективе ожидается рост активности на рынке поглощений и Европе, в то же время в Великобритании ожидается падение подобных операций из-за выхода из ЕС. В то же время в 2016 году падение курса фунта из-за Brexit повлияло на инвестиционное решение японского Soft Bank по крупнейшей британской технологической компании Arm. 21st Century Fox приобрело крупнейшего панъевропейского оператора платного телевидения Sky. Ожидается, что США и в дальнейшем будет сохранять лидерство на рынке M & A, особенно из-за налоговой политики Трампа относительно корпораций (снижение налоговых ставок). Совокупный объём операций в 2016 году составил 3,6 трлн долл. Это на 17% меньше, чем в 2015 году, но инвестиционный бум продолжается. *M & A boom set to continue in 2017*. URL: <https://www.ft.com/content/0e9afdce-cdb6-11e6-b8ce-b9c03770f8b1>.

⁷ The biggest mergers and acquisitions of 2015. URL: <http://www.cnbc.com/2015/12/23/the-biggest-merger-deals-of-2015.html?slide=2>.

⁸ URL: www.ft.com/content/0e9afdce-cdb6-11e6-b8ce-b9c03770f8b1.

⁹ The biggest mergers and acquisitions of 2015.

AT & T и Time Warner – объединение двух гигантов в сфере телекоммуникаций стало одним из самых обсуждаемых соглашений 2016 года – не только из-за его размера (107,5 млрд долл.), но и благодаря влиянию на предвыборную гонку в США; имея в собственности различные системы связи, в том числе кабельное телевидение, широкополосный доступ в Интернет, системы спутникового телевидения и сотовые сети, эти две компании имели чрезвычайно большое влияние на потребителей через информационные и развлекательные передачи. В конце мая 2015 года американский поставщик услуг широкополосного доступа Charter Communications объявил о планах слияния с Time Warner Cable. Сделка стоимостью в 79 млрд долл. США, при этом клиентская база объединённой компании значительно увеличивается путём расширения присутствия в 84000 квадратных миль.

21st Century Fox в 2016 году приобрёл крупнейшего панъевропейского оператора платного телевидения Sky, сумма сделки 22,9 млрд долл. Microsoft и LinkedIn, сумма 24,6 млрд долл. Dell подписала соглашение о приобретении EMC (компания по хранению данных). Соглашение является вторым по величине из соглашений в сфере технологий – 66 млрд долл. (после проведённой в 2000 году 106-миллиардной сделки между AOL и Time Warner). Qualcomm, штаб-квартира в Сан-Диего, объединился с голландским производителем NXP Semiconductors, сумма сделки около 45,9 млрд долл., это крупнейшая сделка в сфере производства полупроводников. Эта покупка должна обеспечить Qualcomm поддержку в тех областях, где её позиции были слабыми, в том числе в области производства чипов для беспилотных автомобилей, мобильных платёжных устройств, а также датчиков для беспилотных летательных аппаратов и других интеллектуальных устройств.

Японский SoftBank приобрёл крупнейшую британскую технологическую компанию Arm, сумма сделки 30,8 млрд долл. В апреле 2015 года Royal Dutch Shell объявила о планах по приобретению британского поставщика энергии BG, сумма сделки 81 млрд долл. Основанием для объединения является диверсификация деятельности Shell (разведка воды). В конце ноября 2016 года Sunoco Logistics и Energy Transfer Partners договорились об объединении, пытаясь оптимизировать займы и эксплуатационные расходы; Sunoco согласилась купить Energy Transfer Partners за 51,4 млрд долл., обе компании контролирует Energy Transfer Equity, являющийся крупнейшим добытчиком и транспортёром природного газа¹⁰. При этом в 2015 году Energy Transfer Equity объединилась с Williams, сумма сделки составила 56 млрд долл. (слияние создало крупнейшую в мире группу энергетической инфраструктуры)¹¹. Anthem и Cigna: 48 млрд долл. Предлагаемое слияние создаёт крупнейшую компанию по страхованию жизни в США, около 53 млн клиентов.

Следовательно, сегодня выстраиваются глобальные системы монополистического производства и реализации, а таким образом и глобального контроля в сферах, которые будут ведущими не только в контексте инновационно-

¹⁰ URL: www.ft.com/content/0e9afdce-cdb6-11e6-b8ce-b9c03770f8b1.

¹¹ The biggest mergers and acquisitions of 2015.

го развития, но и в контексте жизнеобеспечения человеческого существования, при этом растущая неопределённость глобального экономического пространства будет стимулировать оппортунизм монополистов, часто при отсутствии регулирующих и ограничивающих норм¹². Это обуславливает глобальный риск тоталитаризации общества в условиях монополистического диктата.

В то же время другим аспектом трансформаций собственности является создание условий для закрепления её сетевого характера. Собственность, формируя иерархическую структуру общества, одновременно имеет историческую сетевую природу, которая способствует гибкости и адаптивности систем, основанных на принципе собственности. Опережающее инновационное развитие в 70-х годах XX века позволило в наиболее полной и всеобъемлющей мере реализовать сетевой характер собственности и одновременно создать условия для выхода капитализма на завершающий этап развития – в глобальной системе координат. Это стало возможным благодаря введению в конце 60-х в начале 70-х годов бездокументарных ценных бумаг, что позволяло передавать собственность в режиме онлайн в глобальном масштабе. В результате этих процессов собственность приобрела преимущественно сетевой характер. Она стала составляющей моделей финансового поведения в определённых условиях рынка, она уже не долгосрочный инвестиционный актив, а рыночный актив, которому брокеры пытаются придать максимальную ликвидность.

В совокупности, актуальные трансформации собственности свидетельствуют о том, что в перспективе доминантной производственной структурой становится глобальная корпорация, но не капиталистическая, а сетевая. Она является более сложным и опасным явлением с точки зрения глобальной стабильности, ведь в условиях профицита ликвидности и доминанты краткосрочных мотиваций, скорее всего, права собственности на доли в таких корпорациях будут неограниченно передаваться в операциях купли – продажи, препятствуя реализации долгосрочных инвестиционных интересов. При отсутствии долгосрочных мотиваций деятельности ТНК и в условиях ограниченного национального и наднационального регулирующего воздействия будут расти глобальные диспропорции социального характера.

Выводы

Внедрение информационно-сетевых принципов экономической деятельности связано с постепенным переходом от доминирования институтов как базовых структурирующих элементов экономики к паттернам (моделям поведения). Это обусловлено пространственной глобальностью экономических процессов, которые реализуются в различных по назначению и функциональной направленности сетях и требуют как максимально оперативного реагирования на растущие изменения и неопределённость в режиме онлайн, так и максимально быстрого перехода от одной сети к другой. Активное развитие таких тенденций обуславливает предпочтение краткосрочных временных мотиваций

¹² Pfizer – гигант мировой фармацевтики. URL: <http://www.profi-forex.org/journal/number56/page20.html>.

экономического взаимодействия и дезактуализацию ценностных основ, а таким образом и институтов.

В условиях новой экономики базовым паттерном в системе экономического и социального взаимодействия становится выработка новой информации. Этот феномен в совокупности с характерной доминантной инновационностью информационно-сетевой экономики становится основой для институциональной бифуркации как особого переходного состояния в процессе становления новой экономики. Постепенное прехождение институтов капитализма сопровождается в том числе потерей их социального контекста в понимании человеческого общества. В то же время в контексте формирования пост-человеческого общества возможен поиск новых смыслов постсоциального.

В современных условиях мы наблюдаем конфликтные формы взаимодействия преимущественно иерархических и доминантно сетевых феноменов. Они проявляются на уровне взаимодействия государства и транснациональных корпораций, развиваются в системе глобальной собственности. Главным их риском является возможность практически мгновенного изменения расстановки политических и экономических сил на глобальной арене, что есть результатом информационной мобильности современного мира. В таких условиях общество подвергается перманентной неопределённости.

Литература

- Батлер Б., Джонсон Б. и другие. (2003). Финансы: Оксфордский толковый словарь. *Национальная экономическая энциклопедия*. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/533/word/globalization-globalizacija>
- Бродель Ф. (1988). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. Москва: Прогресс. 632 с. С. 153–154.
- Гриценко А. (2013). Соотношение иерархии и сети как основная структурно-организационная проблема современного общества. *Иерархия и сети в институциональной архитектонике экономических систем* / НАН Украины, Ин-т экон. и прогнозирования. Киев.
- Садовая Е. Сауткина В. (2015). Трансформация мироустройства и конфликтный потенциал современных сообществ. *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 103.
- Lauer, R. (1981). *Temporal man: The meaning and uses of social time*. New York, NY: Praeger.

Поступление в редакцию 19.02.2018.

INFORMATION-NETWORK ECONOMY: FROM INSTITUTIONS TO PATTERNS

Valeriia Kornivskaia

Author affiliation: PhD in Economics, Senior Researcher, Department of Economic Theory, Institute for economics and Forecasting, NAS of Ukraine. email: v@ukr.net

The paper shows the actual transformations of the value component in the system of economic and social interaction that arise and develop as a result of the introduction of information and network principles of economic activity. The author defines pattern as a model of behavior in the conditions of information surplus, which replaces the institution as the basic structural element of economic systems. It is shown that an underlying condition for the abstinence of institutions is the interweaving of the Western short-term time paradigm and the active innovation development inherent in the new economy with its special network character. The paper shows the production of new information as a basic pattern of the new society. Innovation is defined as a deep characteristic of the information-network economy and it is proved that the permanence of changes inherent in the new economy leads to institutional bifurcation. The author justifies the statement of the fundamental conflictness of the information-network economy, and shows the loss of social content in the economic processes taking place in the conditions of capitalism and crisis of the national state. The example of securitization illustrates the effects of implementing network forms in predominantly capitalist institutional systems. The author also demonstrates examples of conflicting interactions in mainly hierarchical and dominant network systems. The cycles of global liquidity in the context of its network character are characterized and its contradictory influence on states as an embodiment of the hierarchy is shown. It is justified that the underlying cause of the limited efficiency of the state's monetary regulatory function is the conflict between the hierarchical transmission mechanism and the network system of interaction in the financial space.

Key words: information-network economy, pattern, innovation, institution.

JEL: O35.

References

- Batler, B., Johnson B. et al. (2003). Finance: Oxford Dictionary. *Natsional'naya ekonomicheskaya entsiklopediya – National Economic Encyclopedia*. Retrieved from <http://vocable.com/dictionary/533/word/globalization-globalizaciya> [in Russian].
- Brodel, F. (1988). Games of exchange. In *Material civilization, economics and capitalism, XV-XVIII centuries*, vol. 2, p. 153-154. Moscow: Progress [in Russian].
- Hrytsenko, A. (2013). The ratio of hierarchy and network as the main structural and organizational problem of modern society. In *Iyerarkhiya i seti v institutsional'noy arkhitektonike ekonomicheskikh sistem – Hierarchy and networks in the institutional architecture of economic systems*, p. 13. Institute for economics and forecasting, NAS of Ukraine. Kyiv [in Russian].
- Sadovaya, E., Sautkina, V. (2015). Transformation of the world order and the conflict potential of modern communities. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya – World economy and international relations*, 11, 103 [in Russian].
- Lauer, R. (1981). Temporal man: The meaning and uses of social time. New York, NY: Praeger.